

СКАЗКИ

Саратовское Государственное Издательство
1935

С К А З К И

Собрал и литературно обработал
ЛЕОНИД ЛЕРД

Саратовское Государственное Издательство
1935

Рисунки,
обложка,
форзац
художника
Б. В. Миловидова

Ответственный редактор **И. Кассиль**
Технический редактор **И. Лебедев**

Сдано в производство 13/IX-35 г. Подписано к печати 20/IX-35 г. Тираж 10 000. Формат бум. 72×110^{1/2}. Печатн. лист. 2^{1/4}. Бум. л. 1^{1/2}. Знаков в печ. листе 55 600. Уч.-авторск. лист. 2^{1/2}. Крайлит № А/385. Заказ № 6609.

Цена 80 коп., переплет 70 коп.

Типография № 1 Саратов. Краймestиромa

КАК СОЗДАВАЛАСЬ ЭТА КНИГА

Задание редакции газеты было выполнено. Можно было ехать дальше, но быстро надвигающийся вечер, заставил заночевать в селе Эренфельд, в доме пятидесятилетнего колхозника Фридриха Фридриховича Шнейдер.

Мы напились ароматного вкусного кофе. Жена Фридриха Фридриховича — Елизавета Кондратьевна — быстро убрала со стола посуду. Сам Штоль (уличная кличка Шнейдера) закурил свою крутоизогнутую, с резиновой вставкой в чубук, трубку. Десятилетняя Амалия взобралась на колени отца и попросила:

— Отец, расскажи мне сказку.

Штоль недоверчиво посмотрел в мою сторону и ответил:

— Сейчас не время, потом.

— Почему потом? Расскажите, товарищ Штоль. Я тоже с большим удовольствием послушаю.

— Но я сказок не знаю.

— Знаешь! знаешь — радостно закричала Амалия и захолопала в ладоши.

Долго упорствовал Фридрих Фридрихович, но не устоял перед нашим дружным натиском и рассказал коротенькую сказку о жадном кулаке и хитром работнике.

Амалия ушла спать.

Я попросил Фридриха Фридриховича рассказать мне еще несколько сказок. Он согласился.

Он рассказывал медленно, иногда делал паузу для одной-двух затяжек из своей трубки. На его лице теплилась улыбка. Он словно видел глупого Ганса и слегка подсмеивался над ним. Под конец Штоль увлекся и забыл про трубку.

— Вот какой стал Ганс молодец, тут и сказке конец.

Штоль взял в рот трубку, но она давно потухла. Фридрих Фридрихович прикурил ее от лампы.

— Расскажите еще.

Я услышал сказки: „Зеркальце“, „О рыбаке и рыбке“, „Сказка о сказочнике“.

В эту поездку, кроме бесед, заказанных редакцией, я увез из села Эренфельд шесть сказок, из которых три были особенно интересны.

Через несколько дней, перелистывая блокнот, я натолкнулся на записи сказок. Перечитал их и, подумав о том, что Шнейдер не одинок, решил использовать каждый удобный случай во время поездок по колхозам, для записей сказок. Так я стал „охотником за сказками“.

На сытых колхозных лошадях; на мощных грузовиках МТС, серых от пыли дорог; на политотдельских легких ГА-Зиках—я изездил Мариентальский, Зельманский, Экгеймский Палласовский, Куккусский и другие кантоны Нем-республики.

Интересные встречи.

Интересные люди.

Интересные страницы в блокноте.

В поле — на работе; дома в чистой комнате, украшенной портретами вождей; на бригадных станах — в этих колхозных городках в степи — мы встречались, ловили часы досуга — чаще всего это было вечером или ночью — и один рассказывал, а другой записывал „времен минувших небылицы“.

Но нередко в этом устно сохраняемом художественном и культурном наследстве, слышался живой голос современности. В большинстве сказок он слышался робко и глухо, словно ручей, бегущий под землей и только иногда на миг вырывающийся на поверхность, чтобы блеснуть живым серебром под яркими лучами солнца. В других сказках бурное половодье новых жизненных явлений произвело значительные опустошения, разрушив сюжетную компактность, исковеркав архитектонику, обесцветив образы. В третьих сказках, хотя формальная структура и осталась почти неизменной, а сюжет является лишь новой комбинацией нескольких старых сказочных сюжетов, но в них с большим умением и мастерством использованы старые традиционные приемы для выражения нового богатого содержания. К числу последних принадлежат сказки, собранные в этой книге.

Свои сказки Генрих Генрихович Гофман — пятидесятилетний старик из колхоза „Культура“ — рассказывает медленно и однотонно, часто останавливается и думает — вспоминает. Так, рассказывая сказку „Колхозная машина“, он прерывал рассказ четыре раза, делая паузы по 2—3 минуты.

Совсем другое старик инспектор по качеству колхоза Блюменфельд—колхозник Фридрих Лидер. Уверенно, твердо, не останавливаясь, но и не торопясь, время от времени поглаживая свою окладистую белую бороду и лукаво подмигивая, он рассказал сказку „Старик и смерть“.

Адам Фриауф из села Лизандргей, рассказывая сказку „О трех сыновьях“ все время испытующе-вопросительно смотрит в лицо слушателя и кажется достаточно легкой усмешки недоверия или укоризненного кивка головой, и он, обидевшись, замолчит, прервав на полуслове свой рассказ.

Сначала упорно не хотевший рассказывать сказок, веселый и умный старик Христофор Шлотгауэр — инспектор по качеству колхоза с. Альт-Веймар — все же рассказал о том как погиб „Последний чорт“. Рассказал живо, красочно, интонациями передавая диалог между начальником политотдела и чортом.

Иоганн Августович Сальвассер — старик, руководитель культурной секции сельсовета с. Шталь — в реалистичном, с некоторой даже суровостью в голосе рассказал сказку „Герой Готлиб“.

Бойкая, подвижная, несмотря на свой возраст, старуха, Амалия Минор, работающая инспектором в селе Прейс, в бытовых лирических тонах рассказала замечательную сказку про „Волка в красной шапочке“. И когда ей сказали, что это „очень хорошая сказка“, она широко улыбнулась и не допускающим сомнения тоном сказала: „Так ведь это про колхоз“.

Записи сказок я, конечно, обрабатывал. Но обрабатывал очень осторожно, стараясь ни в коем случае не нарушить структуры повествования и целиком сохранить язык. Моя

работа свелась в основном к реставрации отдельных мест и исправлению явных оговорок. Так реставрированы второй и третий повторы в „Сказке о сказочнике“, скомканные Фридрихом Шнейдер, который сильно устал и явно торопился закончить сказку. Исправлены оговорки Адама Фриауф в сказке „О трех сыновьях“, где он вместо „вправо“, сказал „влево“ и во втором повторе перепутал красный дом с зеленым домом. Реставрированы два повтора в сказке „Шелюски-Шмидт“, исправлено несколько оговорок в „Герой Готлиб“ и в других сказках.

Я очень бережно отнесся к своим записям, которые — „одновременно и памятник далекого прошлого и громкий голос нашей современности“.

В мир мифов, миражей, мечты ворвалась действительность, преломилась сквозь призму художественного творчества, и засверкали новыми яркими красками старые сказки.

Великая социалистическая перестройка жизни отразилась на народном творчестве, сдвинула привычные понятия, переоценила богатства сказочного мира. Новые ноты, аккорды и мелодии звучат в переливающихся всеми цветами радуги сказках. И их рассказывают не убогие, бездомные нищие — сказатели, словом своим, образами сказки, выражающие „помыслы и чаяния“ бедноты, стонущей под игмом кулаков, помещиков, капиталистов — их рассказывают колхозники-ударники, инспектора по качеству, знатные люди колхозов. Рассказывают те, кто упорным трудом, своими руками перестраивают жизнь, добивают „идиотизм деревенской жизни“, строят новое социалистическое культурное село — колхоз.

Легкая, но все время заметная ирония характерна для всех сказочников. А председатель сельсовета села Унтер-

дорф Доротея Зиннер, начиная сказку о том „Как солнцу стыдно стало“, даже сослалась на старуху Сузанну, от которой якобы слышала эту сказку. На просьбу повести к этой старухе, Зиннер не ответила и смутилась.

В ударном труде, в социалистическом соревновании идет работа радостная и благодарная, работа на себя, на коллектив, на страну гигантов. Советское правительство, большевистская партия, руководимая мудрым ЦК и любимым вождем, великим Сталиным, ведут за собой миллионы трудящихся к прекрасному и уже близкому будущему, о котором даже не мечтали лучшие сказочники мира.

Леонид Лерд.

ЗЕРКАЛЬЦЕ

Летом это было. Колхозница Катхен шла с полевого стана в село. Небо темно. Одни звезды горят. Катхен идет.

Вдруг перед ней старуха стала. Стала и говорит:

— Добрый вечер, девушка. Как живешь?

— Добрый вечер, бабушка. Хорошо живу.

— Где тут дорога в село? Я плохо вижу, заблудилась.

— Идем со мной, я тебя доведу, — Катхен сказала.

Вместе пошли. Двоим не так страшно. Когда в улицу вошли, старуха остановилась и сказала:

— Спасибо большое. Теперь я сама дорогу найду. А тебе в благодарность — вот зеркальце, возьми. Это зеркальце не простое. Ты ему скажи „зеркальце красивое, ты всю правду расскажи, мою радость покажи“. Зеркальце тебе много хорошего покажет. А как свой портрет в зеркальце найдешь, — это значит оно самую верную правду показало.

Катхен зеркальце взяла. Посмотрела. Оно маленькое, кругленькое. Поблагодарить старушку хотела. Осмотрелась, а старушки нет: она исчезла.

Катхен домой пришла. Лампу зажгла. Праздничное платье одела. В зеркальце смотреться стала. Смотрела-смотрела, а потом и говорит:

— Зеркальце красивое, ты всю правду Расскажи, мою радость покажи.

Только она это сказала,—ее лицо в зеркале исчезло. Вместо лица картинка появилась. Катхен смотрит и видит:

Село большое стоит. Дома все высокие; заборы и ворота красивые—все из меди сделано. Все вычищено и блестит, на солнце сияет, как золото.

Катхен расхрабрилась, в зеркальце пальцем ткнула. Палец насквозь прошел,—зеркала нет, только рамка осталась. Голову свою Катхен в рамку просунула, и видит: лестница стоит. Она в рамку влезла, по лестнице спустилась. По улице пошла.

Направо дома красивые, налево еще красивее дома стоят. В больших окнах всякие товары разложены: ленты, бусы, платья, чулки, туфли, шарфы и все другое, что женщине требуется.

Катхен в один магазин вошла. Пусто, никого нет. И на стене надпись висит: „Что ты хочешь—бери“. Много разных вещей Катхен набрала. Большую кучу на руки взяла; дальше пошла.

Дворец стоит. Катхен вошла. В первой комнате вся мебель медная, как золотая блестит. Во второй комнате вся посуда медная, как золотая блестит. В третьей комнате очень много денег медных, прямо на полу лежат.

Катхен задумалась: „Что лучше взять?“ Вдруг дверь открывается, и та старушка входит.

— Добрый день, девушка!

— Добрый день, бабушка!

— Хочешь, я тебя царицей сделаю? Все, что здесь ты видела, иметь будешь.

Очень Катхен захотелось царицей быть. Но вспомнила она, что в нашем Союзе царей давно нет и говорит:

— Нет, не хочу.

— Почему?—старуха спрашивает.

— Потому что мы с рабочими сами давно царей и помещиков прогнали. Я не хочу, чтобы меня тоже прогнали.

— Ах, ты глупая негодница!—закричала старуха, рассердилась и палкой своей по деньгам ударила.

Все исчезло. Катхен вокруг осмотрелась: сидит она дома и в руках зеркальце держит.

Зеркальце спрятала. Спать легла.

Неделя прошла. Катхен опять в село пришла в выходной с молодежью погулять. В праздничное платье оделась, в зеркальце смотреться стала. Смотрела-смотрела, а потом и говорит:

— Зеркальце красивое, ты всю правду расскажи, мою радость покажи.

Только она это сказала—ее лицо в зеркале исчезло. Вместо лица картинка появилась. Катхен смотрит и видит:

Село большое стоит. Дома все высокие, заборы и ворота красивые—все из серебра сделано. Все блестит, на солнце сияет.

Катхен расхрабрилась, в зеркальце пальцем ткнула. Палец насквозь прошел,—зеркала нет, только рамка оста-

лась. Голову свою Катхен в рамку просунула и видит: лестница с краю стоит. Она в рамку влезла, по лестнице спустилась. По улице пошла.

Направо дома красивые, налево еще красивее стоят. В больших окнах всякие товары разложены: ленты, бусы, платья, чулки, туфли, шарфы и все другое. Все яркое, цветное, очень хорошее.

Катхен в один магазин вошла. Пусто, никого нет. И на стене надпись висит:

„Что ты хочешь—бери“. Много разных вещей Катхен набрала. Большую кучу на руки взяла: дальше пошла.

Видит большой дом—дворец—стоит. Катхен вошла. В первой комнате вся мебель серебряная, блестит. Во второй комнате вся посуда серебряная, как огонь горит. В третьей комнате очень-очень много денег серебряных, прямо на полу лежат.

Катхен задумалась: „Что лучше взять?“ Вдруг дверь открывается, и та старушка входит.

— Добрый день, девушка!

— Добрый день, бабушка!

— Хочешь, я тебя царицей сделаю? Все что здесь ты видела—иметь будешь.

Катхен захотелось царицей быть. Но вспомнила она, что в нашем Союзе царей давно нет и говорит.

— Нет, не хочу.

— Почему?—старуха спрашивает.

— Потому что мы с рабочими сами царей и помещиков давно прогнали. Я не хочу, чтобы меня тоже прогнали.

Ах, ты глупая негодница!—закричала старуха, рассердилась и палкой своей по деньгам ударила.

Все исчезло. Катхен вокруг осмотрелась: сидит она дома и в руках зеркальце держит.

Зеркальце спрятала, спать легла.

Неделя прошла. Катхен опять в село пришла в выходной с парнями погулять. В праздничное платье оделась, в зеркальце смотреться стала. Смотрела-смотрела, а погом и говорит:

— Зеркальце красивое, ты всю правду расскажи, мою радость покажи.

Только она это сказала,—ее лицо в зеркале исчезло. Вместо лица картинка появилась. Катхен смотрит и видит: Село большое стоит. Дома все высокие, заборы и ворота красивые.

Все самое простое—каменное и деревянное. Перед каждым домом садик—деревья и цветы растут. Солнце радостно светит.

Катхен расхрабрилась, в зеркальце пальцем ткнула. Палец насквозь прошел,—зеркала нет, только рамка осталась. Голову свою Катхен в рамку просунула и видит: лестница с краю стоит.

Она в рамку влезла, по лестнице спустилась. По улице пошла.

Направо дома красивые, белые и голубые, а налево еще красивее, розовые и желтые. На больших окнах занавески кружевные. В магазинах товары всякие разложены. Все, что захочешь—все тут есть.

Катхен в один магазин вошла. Пусто, никого нет. И на стене надпись висит: „Что тебе очень нужно—бери на трудодни“. Катхен кое-что взяла, дальше пошла.

Большие дома навстречу попадаются. На каждом доме надпись большая. Катхен идет и читает: „Баня и прачеч-

ная“, „Детские ясли“, „Больница“, „Библиотека“, „Кино“, „Школа“.

Стоит белый дом—клуб. Катхен вошла. В первой комнате вся мебель мягкая, шкафы с книгами, шашки и домино на столиках. Во второй комнате вся мебель белая, буфет, посуда красивая, цветов много, и деревья тут же растут. В третьей комнате очень много стульев рядами стоят, сцена сделана.

Катхен задумалась: „Что же это такое, куда я попала?“ Вдруг слышит тихая-тихая музыка и тонкие нежные песни. В окно выглянула. Видит по улицам парад идет, всюду празднично, песни поют. Духовой оркестр играет, парад идет, велосипедисты едут, на автомобилях детей везут. Очень хороший праздник.

Тут телефон зазвонил. Катхен подошла, трубку взяла и говорит:

— Катхен слушает.

— Добрый день, девушка!

— Добрый день, только я вас не знаю.

— Хочешь ты у нас остаться жить? Все, что здесь ты видела,—все твое будет, как наше.

Очень Катхен захотелось здесь остаться, она и сказала:

— Да, хочу, а какое это царство?

В телефоне засмеялись.

— Ах, ты, глупенькая! Ведь это и есть тот колхоз, в котором ты сейчас живешь. Несколько лет пройдет и ты так жить будешь.

Катхен от телефона отвернулась и видит много портретов висит. Ближе подошла, видит—ее портрет тоже тут висит. Катхен обрадовалась, в ладоши захопала, закричала.

Все исчезло. Катхен вокруг осмотрелась: сидит она дома, а зеркальце на полу лежит, разбитое.

Катхен его собрать хотела—ничего не получилось. Только картонный кружок от зеркальца остался. Катхен его подняла и видит буквы. Что там написано было—прочла. А там написано было: товарищ Сталин нам колхозникам сказал: Вы хотите зажиточную жизнь иметь, надо одно делать—честно работать, за лошадьми и машинами ухаживать, землю правильно обрабатывать, свою колхозную собственность беречь.

Мы слово дали, что все это, сделаем. И мы это сделаем! Зажиточная жизнь у нас у всех будет!

Все.

Старик колхозник ФРИДРИХ ШНЕЙДЕР.
Село Эренфельд, Краснокутского кантона.

ГЛУПЫЙ ГАНС И ГОЛУБОЙ ГУСЬ

Очень давно, а, вернее, совсем недавно жил старик. Было у него три сына. Старшего звали Карл, среднего — Фриц, а младшего — Ганс.

Подросли сыновья, стали вместе с отцом на работу в колхоз ходить.

Старшие два не хуже-не лучше других работают, а у Ганса вся работа из рук валится. Бригадир ругается. Отец ворчит. Товарищи стыдят.

Ежедневно с Гансом что-либо случается.

Вот утром рано на заре бригадир приходит и говорит:

— Сегодня, Ганс, ударно работать надо. До захода солнца пахать нужно.

— Хорошо, — ответил Ганс, — постараюсь.

Бригадир ушел. Ганс на небо посмотрел. Справа солнце уже показалось.

„Если солнце справа восходит, значит, заход налево будет“, — решил Ганс. Плуг налево повернул и прямо на заход солнца пошел. Полчаса шел, час шел, два шел, — уже давно его клетка кончилась, давно ему плуг повернуть надо, а он все борозду прямо ведет.

Колхозники соседних бригад смотрят и удивляются:

— Что это за глупец, куда он пашет?

— Да, ведь, это Ганс!

— Эй, Ганс, куда ты заехал?

Ганс молчит и все пашет, и все пашет.

День кончился. Солнце село. Ганс шапку сорвал и о землю ударил.

— Эх опять ничего не вышло! До захода солнца недопахал!

Вдруг конский топот слышит. Видит, бригадир на лошади скачет.

Подскакал, кричит:

— Глупый, глупый Ганс! Куда это ты заехал?!

— Как куда? Да ведь ты же сам до захода солнца пахать велел.

Ну что с глупым сделаешь? Поставили Ганса на другую работу.

Однажды Ганса в кантонный центр послали. Денег дали. Председатель колхоза приказал: мешок соли, два стола, шесть стульев и сто тарелок купить.

В кантонный центр Ганс приехал. Всего купил. На фуру нагрузил. Обрато в колхоз поехал.

Ехал-ехал-ехал. Лошадь шагом идет, а кнут в „доме колхозника“ Ганс забыл. Ленивая лошадь совсем итти не хочет. „Эх, тяжело кобыле, — как бы тебе помочь?“ —

думает Ганс. Мешок с солью взял себе на колени положил. „Теперь лошади легче будет“. А сам на фуре сидит.

Лошадь останавливаться стала. „Эх, тяжело кобыле, — как бы тебе помочь?“ — задумался Ганс. На столы посмотрел, потом на лошадь, затем снова на столы. „Дурак я дурак. Как раньше не догадался? Ведь, у лошади четыре ноги и она сама идет. У стола тоже четыре ноги и он сам пойдет“. Один стол взял на дорогу поставил и приказал: — Рысью до красного уголка в наш колхоз беги!

Потом и второй стол на дорогу поставил. И ему тоже приказал:

— Рысью до красного уголка в наш колхоз беги!

Проехал километр. Лошадь опять останавливаться стала. „Эх, тяжело кобыле, чем бы ей помочь?“ На стулья Ганс посмотрел, потом на лошадь, затем снова на стулья. Дурак я, дурак, как раньше не догадался? Ведь, у лошади четыре ноги и она сама идет. У стульев тоже по четыре ноги и они сами пойдут“. Один за другим все шесть стульев взял на дорогу поставил и приказал:

— Рысью до красного уголка в наш колхоз бегите!

Дальше поехал. Три километра проехал. Лошадь опять останавливаться стала. Реченка рядом течет. „Пить, наверно, лошадь захотела“ — догадывается Ганс и в речку въехал.

— Ну пей, пей!

А лошадь губы в воде обмочила, головой тряхнула. Пить не стала.

— Пресную воду пить не хочет. Надо посолить. Взял Ганс мешок соли, и полмешка в речку высыпал. Лошадь губы в воде обмочила, головой тряхнула, пить не стала.

— Мало соли, наверно. Ганс всю остальную соль в речку высыпал. Лошадь губы в воде обмочила, головой тряхнула, пить не стала. Не могла она взнузданная пить.

Ганс рассердился. Пояс ременный с себя снял и начал лошадь со всей силой хлестать.

Быстро фура поехала. Вороны, что на дороге сидели, перепугались. Взлетели, заметались, закричали.

— Карр-карр! Карр-карр! Карр-карр!

Гансу показалось, что они его дразнят:

— Нарр-нарр! Нарр-нарр! Нарр-нарр!*)

— Вы ругаться?! Так вот вам!

И начал торелками в ворон бросать. Все сто тарелок, которые для общественного питания взял, — все перебил.

С пустыми руками Ганс в колхоз приехал. Все свои приключения в правлении рассказал.

— Глупый, глупый Ганс!

Все смеялись, хотя тарелок и соли жалко было. Два стола и шесть стульев на дороге нашли, и бригадир их в колхоз привез.

А Ганс домой пошел и спать лег!

Спит и видит во сне, что его на птицеферму работать назначили. Колхозников на ферме много работает, а птиц там в три тысячи раз больше. Одних гусей — десять тысяч штук; как крыльями замашут — ветер поднимается! уток — тридцать тысяч штук; как крыльями замашут — буря поднимется; кур — девяносто тысяч штук; как крыльями замашут — ураган бушует. А как начнут гоготать, крикать, кудахтать — из ста пушек стреляй — не слышно выстрелов будет.

---

*) Нарр — дурак.

Ганс птичьего бригадира встречает и спрашивает:

— Что мне здесь делать?

— За гусями смотреть, чтобы все целые, живые и здоровые были, чтобы стадо в десять раз к концу года увеличилось.

— А сколько всего здесь гусей?

— Десять тысяч и один. Десять тысяч обыкновенных и один заколдованный. Всех гусей: и белых, и серых и рябых на руки брать можно, а этого заколдованного лучше не трогать. Его сразу заметить можно: перья у него все голубого цвета и на левой лапке кольца с номером нет. У всех кольцо с номером есть, а у этого — нету.

Захотелось Гансу этого гуся увидеть.

Три ночи Ганс не спал, три дня с утра до вечера голубого гуся искал. Рано утром на четвертый день нашел. В крайнем гусятнике в последней сотне этот гусь был. Большой, в три раза больше самого большого гуся. Перья все голубые-голубые. Нос серебряный. Лапы золотистые.

Сильно Гансу этот гусь понравился. „Вот бы поймать в руках поддержать“.

Неделя прошла, другая, третья. Ганс не вытерпел. Чуть солнце лицом своим земли коснулось—Ганс скорее в гусятник побежал. К голубому гусю подкрался. Прыгнул и за шею его двумя руками схватил. Гусь крыльями захлопал и побежал. Ганс испугался, руки разжал, а оторваться не может—прилипли руки к голубому гусю. Раз дернул, два дернул, три дернул—оторваться не может.

Тут гусь крыльями сильнее взмахнул и полетел. Полетел и Ганса за собой потащил. Ганс не растерялся, верхом на гуся сел.

Поднялись они высоко-высоко, полетели быстро-быстро, залетели далеко-далеко. Гусь захочет — на землю сядет — по травке побежит, на речку опустится — по воде поплывет. Понравилось Гансу летать.

— Полетим домой, к нашему колхозу — попросил он гуся.

Гусь послушался. Повернул и полетел. Низко летит. Гансу все видно, что на поле делается. Вот идет инспектор по качеству, посев проверяет. Ганс ему крикнул:

— Дедушка, садись вместе полетим!

Инспектор испугался. Видит птица Ганса уносит. Схватил его за рубашку и прилип, оторваться не может. Гусь дальше полетел, а на спине уже двое сидят.

Инспектор вниз посмотрел и говорит:

— Страшно летать, а отсюда грехи лучше видно и быстрее поля просмотреть можно. Стой, спускайся, вон кто-то плохо сеет.

Спустились. Севец идет, едва ноги передвигает. Инспектор на него прикрикнул, а он старика за рукав схватил и прилип, оторваться не может. Гусь дальше полетел, а на спине уже трое сидят.

Севец мешок перевернул, семена вниз посыпались. Сразу всю клетку засеяли.

Все бригады облетали, к селу повернули. Смотрят: по дороге трое бригадиров в телеге едут.

Пониже к земле гусь опустился. Ганс спрашивает:

— Вы куда едете.

Бригадир испугался, в пыль из фуры упали. Опомнились, отвечают:

— В МТС на совещание едем. А вы что делаете?

— Летаем.

— А мы вас поймаем.

Стали ловить. Севца за пиджак поймали, и сами все трое прилипли, оторваться не могут. Гусь поднялся, дальше полетел, а на спине уже шестеро сидят.

Прилетели в МТС. Ехать было три часа, долетели в три минуты. Как раз на совещание попали.

Один рабочий бригадира по плечу хлопнул:

— Молодцы, — говорит, — прямо с неба свалились.

Хотел руку оторвать — не может, прилип. Другие четверо его отрывать начали. Друг за дружку уцепились, так и прилипли, оторваться не могут.

Совещание кончилось. Обрато лететь собрались. Со всеми попрощались. Гусь крыльями замахал. Вдруг бежит почтальон, кричит:

— Стойте, подождите, письма и газеты для вашего села возьмите!

А гусь уже от земли поднялся. Почтальон подпрыгнул, рабочего за ногу схватил, задержать хотел. Рука прилипла, оторваться нельзя, так и полетел.

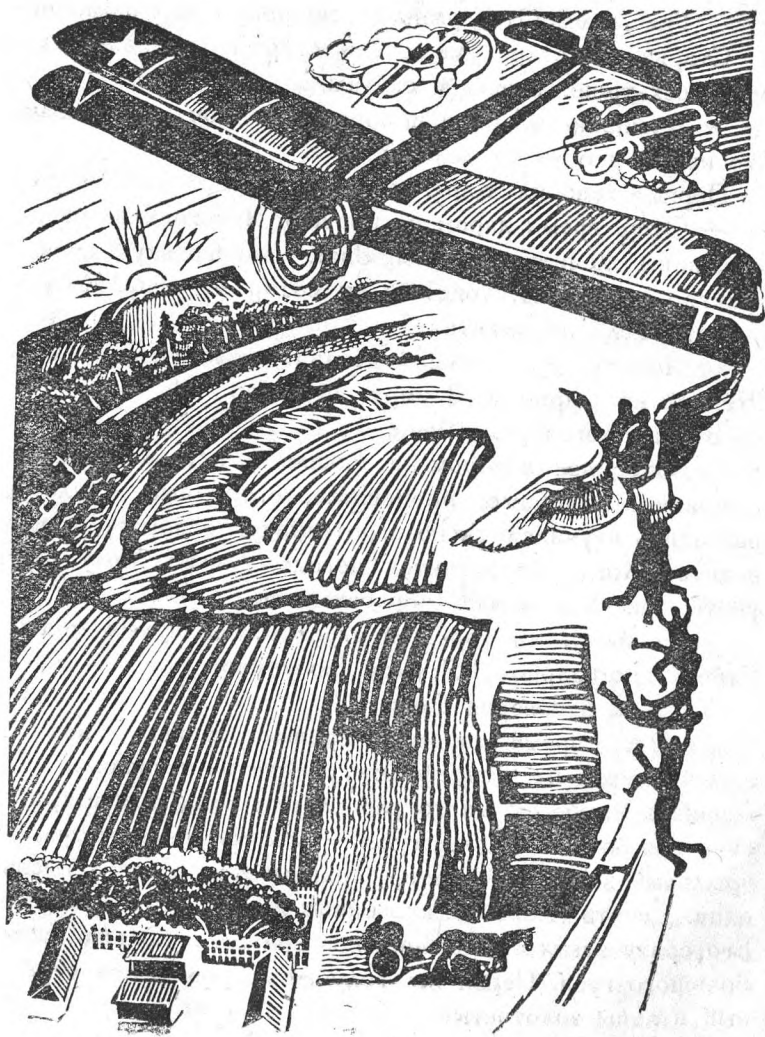
Гусь в небо поднялся, домой полетел, а на спине и за ним уже двенадцать в воздухе болтаются!

Три минуты не прошло, гусь на площадь в селе опустился. Тут Ганс слово такое вспомнил, сказал его, и все от гуся отклеились. Музыка заиграла. Председатель их поздравил. Все „ура“ закричали, Ганса по имени вызывают:

— Ганс, Ганс, Ганс!

Только он хотел речь сказать, как его кто-то по плечу хлопнул.

Ганс глаза открыл, видит, брат Фриц над ним стоит и говорит:

— Ганс, идем. Отец умирает, попроситься с нами хочет.

Старик—их отец—уже очень старый был. Умирал. К себе всех троих позвал и сказал:

— Я умираю. С вами попроситься хочу. Расскажите, кто из вас что умеет делать?

Первым говорил Карл:

— Отец, время даром не прошло. Я в колхозе работал и машины лечить научился. Знаю лобогрейку, косилку, трактор и комбайн. Когда болен мотор — слышу. Могу исправить, если поломается.

— Я вижу, ты хороший механик, ты нужен колхозу. Работай по-ударному! Я умру спокойно.

Вторым заговорил Фриц:

— Отец, время даром не прошло. Я в колхозе работал и всякие — хлебные, пропашные, огородные — культуры разводить научился. Знаю агротехнику, севооборот, полеводство. Когда переменится погода — знаю. Могу других учить, как надо землю обрабатывать.

— Я вижу, ты хороший агроном, ты нужен колхозу. Работай по-ударному! Я умру спокойно.

Третьим заговорил Ганс:

— Отец, время даром не прошло. Я спал и видел во сне, что меня на птицеферму работать назначили. Колхозников на ферме много работает, а птиц там в три тысячи раз больше. Одних гусей — десять тысяч штук; как крыльями замашут — ветер поднимается. Десять тысяч и один. Десять тысяч обыкновенных и один — заколдованный. Его сразу заметить можно: он в три раза больше самого большого гуся. Перья все голубые-голубые, нос серебряный и лапы золотистые.

Сильно мне этот гусь понравился. Вот я к голубому гусю подкрался, прыгнул и за шею его схватил. Гусь крыльями захлопал и побежал. Я руки разжал, а оторваться не могу — приклеился. Полетел гусь и меня за собой потащил.

Поднялись мы высоко-высоко, полетели быстро-быстро, залетели далеко-далеко. Гусь захочет: на землю сядет — по травке побегает, на речку опустится — по воде поплавает.

Домой к нашему колхозу полетели. В начале инспектор на хвост гусю сел. Потом севца захватили. Трех бригадиров до МТС довели. Там пятеро рабочих к заколдованному гусю приклеились. А когда мы домой собрались, почтальон прибежал и за ногу рабочего прицепился. Так двенадцать человек по воздуху на голубом гусе и полетели.

Когда на землю начали садиться, мне слово вспомнилось. Я и сказал:

— Лихтлереляуфт.

Сразу все от гуся отклеились. Музыка заиграла. Председатель нас поздравил. Все „ура“ закричали. Я хотел говорить, а Фриц меня разбудил. Но я все равно голубого гуся достану.

— Я вижу ты попрежнему глуп, ты едва ли нужен колхозу. Уйди лучше куда-нибудь, и тогда я умру спокойно.

Отец умер, Ганс свои вещи в узелок собрал и в город ушел.

Долго Ганса в колхозе не было. Так долго, что о нем все забыли. Даже родные братья: Карл и Фриц — не помнили.

Но вот однажды колхозники слышат, что-то в небе гудит. Головы закинули, смотрят: птица-не птица, что-то голубое летит, на солнечных лучах серебром блестит.

Ближе, ниже, больше. Ясно все увидели: птица голубая, очень большая. Направо повернулась, налево повернулась, через голову перевернулась. Над селом кругом пролетела, на поле села.

И старики, и старухи, и мужчины, и женщины, и мальчишки и девочки—все туда ринулись.

Только из села выбежали, навстречу по полю человек идет. Весь в коже. С головы до ног в черную кожу зашит. Глаза большие, четырехугольные.

Ближе подошел, глаза на лоб сдвинул, кожу с головы стянул.

Сразу все узнали:

— Глупый, глупый Ганс!

На траву сели, спрашивать начали. Ганс про всю свою жизнь рассказал, как в город ушел и гуся голубого нашел, как учился и обучился на голубом гусе летать, как надо было ему до колхоза три года ехать, а он в полчаса долетел.

Кто словам не верил, он тем знаки показал. На рубашке, на воротнике, с двух сторон по голубому гусиному перышку пришито было.

Голубого гуся все смотреть пошли: он в тридцать три раза больше самого большого гуся. Крылья и тело голубые-голубые, нос серебряный. Сильно всем этот гусь понравился. Каждый рукой дотронуться хочет.

— Кто летать хочет?

Все захотели. Боялись, а прокатиться хотели.

Внутри гуся — так что только голова видна — инспектор по качеству, севец и Ганс сели. Завертелся, загудел клюв у гуся. Побежал запрыгал он по полю. Крыльями не махал, а в небо поднялся.

Поднялись они высоко-высоко, полетели быстро-быстро, залетели далеко-далеко. Ганс захочет—гусь на землю сядет, по травке побежит, захочет—гусь на речку опустится, по воде поплывет.

Повернули и домой полетели. Все, что на поле делается—видно. Инспектор вниз посмотрел и говорит:

— Страшно летать, а отсюда огрехи лучше видно и быстрее поля просмотреть можно.

Все бригады облетали, к селу повернули. Смотрят, по дороге люди бегут, руками машут. Три минуты не прошло — гусь на землю опустился. Музыка заиграла. Председатель их поздравил. Все „ура“ закричали, и Ганса по имени вызывают:

— Ганс, Ганс, Ганс!

Ганс речь хорошую сказал. Объяснил, что голубой гусь „самолетом“ называется.

С той поры Ганс опять в колхозе живет. Самая красивая во всем колхозе девушка за него замуж вышла. Вот какой стал Ганс молодец, тут и сказке конец.

60-летний старик-колхозник ФРИДРИХ ШНЕЙДЕР
Село Эренфельд, Краснокутского кантона

КАК СОЛНЦУ СТЫДНО СТАЛО

Я сама сказок не знаю, не могу рассказать, но вот, что мне старуха Сузанна рассказывала.

Это было тогда, когда социалистическое соревнование только начиналось.

Колхозники хлеб посеяли. Дружно работали. Хороший хлеб вырос, колосья высокие и тяжелые. Золотое поле стало, — надо убирать.

Утро пришло. Солнце встало и по небу поплыло. На полях колхозных работа закипела.

Весело, дружно все работают. Посмеиваются, шутят и дело делают.

Солнце на землю посмотрело. Видит: люди урожай убирают; мужчины и женщины работают. Солнце внимательней присмотрелось и увидело: одна женщина бригадиром работает, другая трактористкой, а третья скидывальщицей на лобогрейке работает.

— Это непорядок, — солнце сказала. — Женщины должны снопы вязать, песни петь, обед варить. Как-так они бригадирами, трактористами, скидывальщиками работают? Это — работа мужская. Это непорядок.

Солнце рассердилось — женщин припекло. Особенно бригадира, трактористку, скидывальщицу.

Работать жарко стало.

Скидывальщица на небо посмотрела и сказала:

— Зря ты, солнышко, стараешься нам в работе помешать. Мы себя ударниками объявили и норму все равно выполним.

Солнце выслушало и думает: „это вы только хвалитесь. Посмотрим, что вы через три часа скажете!“. По небу солнце медленнее поползло и колхозниц все припекает.

Ударницы работают; им все нипочем, и солнца они совсем не боятся.

Солнце сверху смотрит, припекает. Ждет, когда колхозницы в тень пойдут. А они все работают, все быстрее работают.

Солнце улыбнулось и сильнее прижарило. На лбах у колхозниц пот выступил, дышать трудно стало.

Трактористка на небо посмотрела и сказала:

— Зря ты, солнышко, стараешься нам в работе помешать. Мы колхозницы-ударницы, норму все равно дадим.

Солнце выслушало и подумало: „это вы только хвастаетесь. Посмотрим, что вы через два часа скажете“. По небу солнце медленнее поползло, колхозниц все прижаривает.

Ударницы работают; им все нипочем; и солнца они совсем не боятся.

Солнце сверху смотрит, прижаривает. Ждет, когда колхозницы в тень пойдут. А они все работают, все быстрее работают.

Солнце засмеялось и палить начало. По спинам, по грудям колхозниц пот ручейками побежал; дышать очень тяжело стало, — воздух, как кипяток.

Бригадир на небо посмотрела и сказала:

— Зря ты, солнышко, стараешься нам в работе помешать. Мы хорошие ударницы и тебя победим.

Солнце выслушало и подумало: „это ты только хвастаешься. Куда вам со мной бороться. Я всегда над людьми верх беру“. По небу солнце медленно поползло и колхозниц все подпаливает.

Ударницы работают; им все нипочем и солнца они совсем не боятся.

Солнце сверху смотрит, попаливает. Ждет, когда колхозницы в тень пойдут. А они все работают, все быстрее работают.

Быстро и хорошо работают. И темпы, и качество у них высокое. Очень хорошо колхозницы работают, по-ударному.

Солнце с неба посмотрело, и ему стыдно стало: „зачем я им работать-мешаю? Они хорошие работницы, а я злое“, — солнце подумало, руку протянуло и тучкой прикрылось. Тень на землю упала, легче работать стало.

Так бригадир, трактористка и скидывальщица и все колхозницы-ударницы солнце пристыдили и в соревновании победили.

Вот все, что Сузанна мне рассказывала.

Председельсовета ДОРОТЕЯ ЗИННЕР
Каменский кантон, село Унтидорф

ШЕЛЮСКИ-ШМИДТ

На дальнем нашем севере, где всегда зима и горы льда, великан Шелюски-Шмидт жил. Он такой большой был, что все люди, даже самые высокие, ему только до колена доходили. Голова очень умная; глаза как две голубые звезды и борода очень-очень большая. Великан очень тихий и добрый был. Никого он не обижал. Но зря вся его сила пропадала.

Однажды утром великан проснулся и видит, что одна гора упала. Три горы осталось. Три года он еще отдыхать может. Но без работы ему никак не сидится. Шелюски-Шмидт встал и в Москву пошел.

К товарищу Сталину пришел.

— Доброе утро!

— Здравствуйте и пожалуйста садитесь, — Сталин говорит.

— В соцсоревновании я участвовать хочу, — великан объясняет, — работу дайте мне.

— Это очень хорошо. Вот у нас море есть. Это море замерзло. Нам по морю дорогу проложить надо, чтобы можно было ездить.

— Хорошо. Я себя ударником объявляю, дорогу проложу, — сказал Шелюски-Шмидт и ушел домой.

Вечером Шелюски-Шмидт друзей собрал, праздник устроил. Он самый главный председатель великанов был.

— Товарищ Сталин нам море расчистить доверил. Кто со мной поедет?—великан Шелюски-Шмидт спросил.

Все великаны проситься начали. Тогда Шелюски-Шмидт из самых храбрых, самых сильных, самых лучших сто человек отобрал.

Советское правительство великанам большую лодку-пароход, машины и продукты дало. Сто великанов сели и поехали.

Едут, лед ломают.

Едут, лед ломают, дорогу делают.

Едут, лед ломают, дорогу большевистскую в море делают.

Сто дней они ехали. Сто дней они лед ломали. Сто дней они дорогу делали.

Капиталисты-кулаки на это сильно рассердились. Они— злые, но подлые и трусливые. С великанами бороться испугались; на их пути они очень большую льдину подставили. Пароход наткнулся, тонуть начал.

Шелюски-Шмидт и все сто великанов на льдину выскочили.

Кругом море; берег далеко; сильный ветер дует. Жилище строить надо. Шелюски-Шмидт великана Бибера позвал. Приказывает:

— Дома строить надо.

— Сейчас!

Шелюски-Шмидт великана Копфуса позвал. Приказывает:

— Продукты давать надо.

— Сейчас!

Затем Шелюски-Шмидт великана Радиорей позвал, приказывает:

— В Москву о нашем несчастье кричать надо.

— Сейчас!

Сам Шелюски-Шмидт встал. Палку длинную взял. Красный флаг к палке прибил. Палку глубоко в лед воткнул.

День на льду сидят. В море плывут.

Два дня на льду сидят. В море плывут.

Три дня на льду сидят. В море плывут.

К великану Шелюски-Шмидту Бибер подходит и говорит:

— Дома уже построили.

Копфус подходит и говорит:

— Продукты уже выдаем.

Радиорей подбегает и кричит:

— Москва услышала, помощь нам посылает.

— Ура!

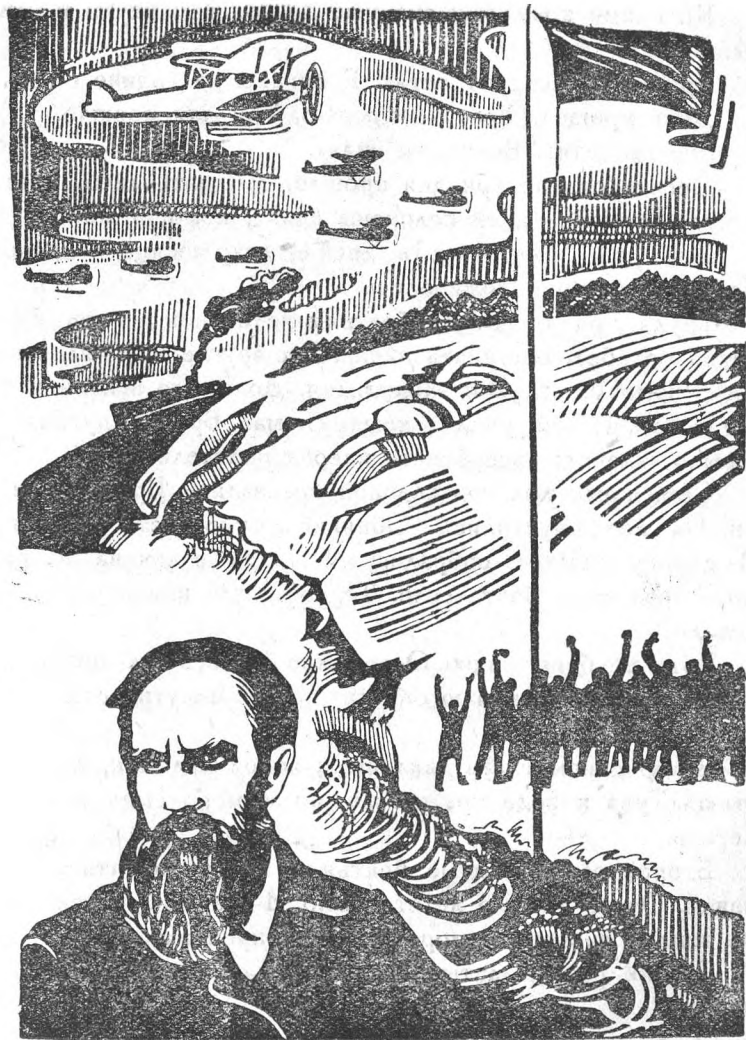
Шелюски-Шмидт встал, свою бороду погладил и сказал:

— Теперь спокойствие. Мы спасены и все живы будем.

Все обрадовались. Сто великанов „ура“ закричали.

Капиталисты испугались и перестали льдину в море тащить.

Тем временем в Москве, товарищ Сталин семерых крылатых братьев — тоже великанов — собрал и на помощь Шелюски-Шмидту послал.

Крепкими крыльями сильные братья взмахнули и полетели.

Братья по воздуху летят. Великаны на льдине сидят.

День прошел. Два дня прошло. Три дня прошло.

Братья летят. Великаны сидят.

Десять раз по три дня прошло, тридцать дней братья летят. Тридцать дней великаны сидят, помощи ждут.

Два раза по тридцать дней — два месяца — прошло; великаны помощи дожидались.

Трудно, очень тяжело братьям великанов лететь было. Один ослабел, отставать начал. Его другие на крылья взяли — помогли. Другой заблудился. Долго его искали, и все же нашли. Третий упал — крыло сломал. Братья спустились. Крыло залечили, все вместе вперед полетели.

Семь крылатых над льдиной показались. Братьев увидели. На лед опустились. Обнялись, от радости заплакали. В дорогу быстро собрались. По три великана на каждого крылатого брата сели. Те крыльями взмахнули и полетели.

Вот уже берег видно. Осторожно братьев-великанов крылатые братья на землю опустили. Три минуты отдохнули, назад полетели.

Ветер огнем глаза заклеивал; холод льдом крылья окочивал. Туча к воде прижимала, но семеро смелых вперед летели.

Второй раз крылатые братья на плечи по пять человек взяли. Очень тяжело лететь было. И все же братьев своих на землю живыми и здоровыми они привезли.

Третий раз крылатые храбрецы в опасный путь отправились.

Погода разозлилась. Ветер, как бешеный, бьет. Холод кровь замораживает. Море льдину ломает. Вот-вот великаны утонут.

И погоду, и море, и лед смельчаки наши победили.

На сильные плечи свои всех оставшихся взяли. Счастливы на землю вернулись.

Когда последние со льдины улетели, великан Радиорей в Москву по радио крикнул:

— Нас уже тут нет!

На земле все сто и семь великанов сразу радостно и громко вскрикнули:

— Нашей сильной партии, нашему любимому вождю Сталину, нашему дорогому правительству пламенный привет!

И в Москве услышали, „ура“ закричали. И везде в СССР услышали, „ура“ закричали. А за границей услышали — диву дались.

Шелюски-Шмидт на корабль „Красный“ сел и через другое море в Москву поехал.

А на льду палка с красным флагом осталась. Шелюски-Шмидт ее так крепко воткнул, что она сквозь лед до воды прошла, корни пустила, расти начала. Высоко - высоко выросла.

Сначала на берегу, потом в Москве ее увидели. А теперь тот красный флаг во всем море виден, и на флаге большими буквами слово написано: „СТАЛИН“.

ФРИДРИХ ГОВЕЙДЕР

Село Штефан, Каменского кантона

ВОЛК В КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

Утка и гусь в речке купались. Выкупались домой пошли. По полю идут, видят—дом стоит. Они подошли и спрашивают:

— Кто здесь живет?

Никто им не ответил.

Они в дом вошли, видят—в доме никто не живет. Подумали и решили: „будем здесь сами жить. Оба мы бедняки. На нас даже вода не держится. Колхоз организуем“.

Утка красок принесла. Гусь вывеску нарисовал. На вывеске одно слово написано:

„Колхоз“.

Живут утка и гусь день, другой живут. Вдруг кто-то в дверь стучится.

— Кто там?

— Я—заяц, вечный бедняк; примите меня в колхоз.

Они дверь открыли, зайца впустили. Втроем стали жить.

Однажды кто-то в дверь стучится.

— Кто там?

— Мы, петух и курица. Вдвоем нам не скучно, но в колхозе веселей, примите нас в колхоз.

Дверь им открыли. Петуха и курицу пустили. Стали пятером жить.

Несколько дней прошло, опять кто-то в дверь стучит.

— Кто там?

— Я—лошадь. Работник я хороший, сильно вам помогу, примите меня в колхоз.

Дверь открыли, лошадь пустили. Вшестером стали жить.

Через некоторое время опять в дверь стучат.

— Кто там?

— Мы, баран и козел. Лошадей можем охранять, стадо водить. Примите нас в колхоз.

Дверь открыли, барана и козла пустили. Ввосмером стали жить.

Неделя прошла, кто-то в дверь стучит.

— Кто там?

— Я—корова, существо спокойное трудящееся и молоко даю и пахать могу; примите меня в колхоз.

Дверь открыли, корову пустили. Девятеро стали жить.

Неделю живут, другую живут. Вдруг кто-то как стукнет в дверь, весь дом задрожал, чуть крыша не упала. Звери испугались и молчат. А за дверью кто-то грубым голосом закричал:

— Почему не открываете? Уснули?

Утка расхрабрилась, к двери подошла и спрашивает:

— Кто тут?

— Я — медведь; надоело мне в лесу одному работать. Силы у меня много; примите в колхоз.

Дверь открыли, медведя впустить хотели. Но вместо медведя в дом лиса вбежала. Она хвостом завертела и быстро-быстро заговорила:

— Здравствуйте, здравствуйте. Ну, как тут без меня ничего не случилось? Колхоз не растащили? то-то, смотрите у меня! Я — самая старая колхозница, я...

В это время в дверь медведь пролез. Услышал он, что лиса хвастается, и говорит:

— Врешь, кума, врешь. Ты позже меня пришла. Пока я в дверь пролезал, ты между ног проскочила.

Лиса как закричит:

— Это я вру? да вот спроси у зайца, у гуся спроси, у утки спроси не я ли, первая колхозница?!

Заяц вперед вышел и ответил:

— Если бы я один был, если бы гусь или утка одни были, — мы бы тебя испугались и твою ложь подтвердили. А у нас колхоз и у нас сила. Ты врешь, — ты самая молодая колхозница.

— Выгнать ее! — закричал петух.

— Нам таких в колхозе не надо! — крикнул баран.

— Это неправильно будет, — сказала лошадь. Мы лису в колхоз примем и постараемся ее исправить.

Голосовать стали. Все подняли лапы за предложение лошади. Только баран воздержался.

Живут, работают, не ссорятся одиннадцать зверей. Хозяйство наладили. К зимовке готовятся.

Все на работу ушли. Баран и курица дома остались. И вот, они слышат, кто-то тихо-тихо в дверь стучится.

— Кто там?

— Я—ваш благодетель и товарищ, мне так нравится ваша работа, ваше хозяйство, я сам очень хочу у вас работать. Я запоздал, но зато теперь твердо стал за вас; примите меня в колхоз.

Курица на подоконник взлетела, в окно посмотрела. Видит, кто-то серый в красной шапочке стоит. Говорит барану:

— Открывай дверь.

Впустили волка в колхоз.

К вечеру все звери собрались. Ужинать сели. У зайца чашки нет.

— Почему у зайца чашки нет?—спрашивает лошадь.

— Новому колхознику отдали,—отвечает баран.

— Кто новый, встань,—сказал гусь.

Волк встал, красную шапочку на голове поправил и заговорил:

— Дорогие товарищи! Я позже вас вступаю в колхоз. Если бы вас не было—не было бы колхоза, и мне некуда было бы вступать. Я сначала думал, что у вас ничего не выйдет и вы переругаетесь и разбежитесь, но у вас организовалась дружная семья. Я увидел это и, вот, пришел к вам—хочу трудиться на общее дело. Прошу принять меня в колхоз. Мое сердце такое же, как моя шапка.

Все звери посмотрели на его красную шапочку и подумали: „он, наверное, самый партийный“, а потом сказали:

— Примем его в колхоз.

Волк стал колхозником.

Тихо и спокойно жили звери три месяца. Осень пришла, стало холодно. Скоро зима. Звери в лес за дровами зайца послали.

Ждали-ждали, нет зайца. Медведь его искать пошел. Через два дня бежит, урчит, что-то несет. Видят звери: медведь зайчью лапу принес, лошади ее отдал и сказал:

— Нашего зайца кто-то в лесу убил и съел, только лапа осталась.

— Это случайно,—сказал баран, и все успокоились.

Несколько дней прошло. Опять у зверей несчастье случилось: ночью кто-то сено поджог, и корова обгорела. Спасибо петуху: он закричал, корова проснулась и из сарая выскочила.

— Это случайно,—баран сказал, но лошадь возразила:

— Нет, это орудует враг. Он нас запугать хочет. Но не выйдет это. Предлагаю дежурных назначить.

Все поочереды дежурить стали.

Как-то утром встают. Завтракать сели. Вдруг баран, как закричит:

— Кто у меня ложку украл? Мою взял, а мне старую подсунул!

Козел услышал и к барану кинулся:

— А, так это ты сделал? Это ты у меня ложку украл, а свою подбросил?! И еще кричишь?

У барана кровью глаза налились. Он голову нагнул и на козла бросился. Рога трещат, шерсть клочьями летит; дерутся баран и козел.

„Тут что-то не так, — думает лошадь, — два лучших друга и вдруг поссорились.“

А волк на стол влез и ораторствует:

— Товарищи, будьте сознательными. Ну, что такое ложка? — мелочь, а вы позорите имя колхозников. Товарищи, я вас прошу, перестаньте. Мы должны жить по братски, мирно. Все мы колхозники.

Пока волк говорил, лиса к лошади подбежала и на ухо шепчет:

— Я сегодня ночью на дворе дежурила. Вдруг вижу кто-то свет в доме зажег. Я к окну подбежала и видела, как наша красная шапочка у козла и барана ложки переменял.

Лошадь что-то подумала, но ничего не сказала.

Ночь была. Вокруг дома ходил медведь — он был дежурным. Вдруг он видит: дверь открылась и осторожно двое вышли. За углом стали, о чем-то поговорили, назад пошли. Тут медведь и рассмотрел, что первый баран был, — а второй — незнакомый: морда острая, уши торчком, хвост поджат. До утра медведь у дверей стоял, никого не выпускал.

Утром, когда все встали, медведь вошел и объявил:

— Среди нас есть кто-то чужой.

— Не может этого быть, — все закричали. И только лошадь вспомнила, что лиса говорила, и промолчала.

— Прошу всех снять шапки, — медведь сказал.

Петух, баран, козел шапки сняли. Только волк шапку не снял. Медведь это заметил и говорит:

— А чего же ты свою красную шапочку не снимешь?

— Она ко мне приросла, — волк отвечает.

— А вот мы проверим, и не успели другие глазом моргнуть, как медведь лапой красную шапочку сорвал.

Все волка сразу узнали. Крик поднялся:

— Волк! волк!

— Он зайца убил!

— Он сено сжег!

— Он барана с козлом поссорил!

— Он наш враг!

— Смерть ему! смерти!

Заметался волк по дому. К дверям бросился — там лошадь в зубы лягнула. К окну бросился — там козел в живот пихнул. В печку бросился — там петух и курица в голову клевать начали. Под печку полез — там утка и гусь закусили. Выскочил из-под печки волк и прямо в лапы медведю попал. Медведь его так сжал, что кости хрустнули. Баран в стороне стоял и думал: „эх, дурак я был — волка не узнал“. Увидел он, что медведь волка жмет, разбежался и — как ударит лбом волка в спину — так и убил.

Мертвого волка звери в овраг выкинули.

И теперь они весело, спокойно живут, свое хозяйство ведут; хороший у них колхоз.

50-летняя колхозн. — инсп. по качеству АМАЛИЯ МИНОР
Зельманский кантон, село Прейс

СТАРИК И СМЕРТЬ

Жил старичок. Очень старый старичок. Все колхозники на работу ходят, а он не может. Совсем старый стал, работать у него сил нет.

Сидит старик. Кулаком по столу стучит. Смерть зовет:

— Приди и возьми меня. Я работать не могу. Без работы жить не хочу.

Не идет смерть.

Старик стучит:

— Иди и возьми меня!

Не идет смерть.

Старик кричит:

— Возьми меня!

Не слышит смерть, не идет.

Долго старик смерть звал. Наконец, однажды она приходит. Смерть, как смерть: в саване, с косой в руках.

— Ты звал меня, старик? Вот и я!

- Поздно.
- Умереть никогда не поздно.
- Я тебе говорю, что ты опоздала.
- Почему?
- К нам политотдел приехал.
- Это еще что такое?
- Я сам пять дней только как узнал, что это такое.

По-лит-от-дел это есть...

— Это не важно!

— Нет, это очень важно. Политотдел мне работу дал.

Мне теперь умирать нельзя.

— А вот и умрешь!

Смерть косою взмахнула.

Старик умолять стал.

— Дорогая моя, дай три дня, чтобы к смерти приготовиться.

— Не дам!

— Я тебя слезно прошу. Дай только три дня.

— Не дам!

— Только три дня!

— Ну, ладно. Только ни часу больше.

Смерть ушла.

Старик в поле пошел.

По дороге видит хомут лежит. Поднял и на место положил. Конюх лошадь палкой ударил. Старик увидел. К конюху подошел, объяснил почему лошадь палкой бить нельзя. Гвоздь на дороге валялся, и его старик поднял. По полю пошел: глубоко ли пахут и хорошо ли сеют проверил. Сам сеять взялся. Норму на двести процентов выполнил.

Так все три дня старик проработал.

Опять смерть пришла.

— Ну, старый, я за тобой. Мне некогда. Идем скорее.

— Нет, не пойду.

— Как так?

— Не хочу!

— Пойдешь?

Смерть косой замахнулась.

Старик испугался, но догадался. В карман полез и крикнул:

— Стой!

Из кармана красную книжечку вытащил, смерти под нос сунул.

— Смотри!

Смерть видит. Красная книжечка и на ней золотыми буквами написано „Ударник-инспектор качества“, а подпись „Политотдел“.

Смерть испугалась, задрожала, убежала, чуть свою косу не потеряла.

А старик и сейчас живет, работает. Премию получил.

Инспектор по качеству, старик ЛИДЕР
Палласовский кантон, село Блюменфельд

ПОСЛЕДНИЙ ЧОРТ

Ночь была такая черная и страшная, что даже луна испугалась — на небо гулять не вышла. Идет по полю начальник политотдела. Идет — о колхозах, о работе, об ударниках думает. Вдруг перед ним кто-то стал. Начальник обойти хотел, тот дорогу загораживает. Начальник политотдела спрашивает:

— Кто это, в чем дело?

Тот отвечает:

— Это я — чорт. Последний чорт на советской земле. Всех моих братьев и друзей большевики уничтожили. Я один остался: когда революция была, я больной в болоте лежал. Меня большевики и проглядели. Зато я злой, как тысяча чертей. Я вам покажу! Вы нас бояться перестали, забыли даже, что мы на свете были!

— В чем же дело? — спрашивает начальник политотдела.

— А вот в чем!

Прыгнул чорт на плечи начальника, ногами за спину придерживается, лапами в волосы вцепился.

— Отвечай на три моих вопроса. Если хотя бы на один правильно не ответишь, замучаю, на клочи разорву, уродом сделаю, убью. Я вам, колхозникам, покажу, что такое чорт.

— Задавай свои вопросы!

Чорт расхохотался, подпрыгивать начал. Хохочет и кричит:

— Ишь, храбрец какой выискался! Со мной—с чортом—бороться захотел! А ну, скажи, только быстрее: что такое самое легкое на земле?

Начальник политотдела подумал немного и отвечает:

— Самолет. Он выше птиц, выше пуха летает и еще человека носит.

Чорт смеяться перестал, задает второй вопрос.

— Скажи: что самое интересное на земле?

Начальник политотдела подумал немного и отвечает:

— Кино. В нем все страны, все моря, весь мир увидеть можно, не сходя с места.

Испугался чорт, задумался.

— Задавай третий вопрос, — говорит начальник политотдела.

— Сейчас. Вот скажи мне: что самое длинное на земле?

Начальник политотдела подумал немного и говорит:

— Радио. Где бы ты ни был, оно тебя везде достанет. Из Москвы до Берлина, до колхоза и дальше, везде.

Чорт с плеч начальника спрыгнул и убежать хотел. Но начальник политотдела его за хвост поймал.

— Подожди, голубчик! Теперь ты мою загадку отгадай! Отгадаешь, — отпущу, не отгадаешь, — в колхоз отведу, пионерам отдам: они тебе покажут!

Как услышал чорт про пионеров, побледнел и колени у него задрожали.

— Отпусти мой хвост, я и так не убегу, пока загадку не отгадаю, — говорит чорт, а сам думает: „ну, какую он, колхозник, мне загадку задаст, — ерунду, я сразу отгадаю“.

Бросил начальник политотдела чортов хвост и говорит:

— Вот слушай внимательно: два раза повторять не буду, не высокий, а великий на весь мир; не моряк, а капитан страны; не военный, а вождь миллионов. Кто это такой?

Думал-думал чорт, никак ответа придумать не может. Полчаса прошло.

Начальник политотдела спрашивает:

— Ну, ты скоро, а то мне некогда.

— Сейчас, подожди, я уже половину придумал.

Еще час прошел. Начальник политотдела спрашивает:

— Ну, ты скоро? — не до утра же здесь стоять.

— Сейчас, подожди, я уже кончаю.

Два часа прошло. Начальник политотдела спрашивает:

— Ну, ты скоро, а не то пойдем в колхоз.

— Сейчас, сейчас. Слушай отгадку. Это... это... нет, не могу! Вдохнул чорт и лапой пот с морды вытер. — Подожди меня за хвост брать, успеешь; но скажи мне сначала, кто же ты такой, что я не могу твою загадку отгадать?

Начальник политотдела улыбнулся и сказал:

— Большевик.

— Ах, сакрамент! — Крикнул чорт, упал и сдох.

Так был уничтожен последний чорт.

Старик-колхозник ХРИСТОФОР ШЛОТГАУЭР.

Палласовский кантон, село Альт-Веймар.

КОЛХОЗНАЯ МАШИНА

В каком году это было я не знаю. Но обязательно было.

Учитель Ленин в село зашел. Все кругом посмотрел и увидел, как крестьяне на работе мучаются. Лошади слабые, пахут мелко и медленно, косят долго, молотят с трудом.

— Это так не годится, — Ленин сказал, и о том, как беднякам работать помочь, думать начал. Долго сам думал. Потом Сталина и Калинина позвал. Втроем думали и придумали, как беднякам помочь. Ленин всех лучших кузнецов, механиков и машинистов позвал и говорит им:

— Сделайте, товарищи, машину, чтобы сама без лошадей с места на место ездил, чтобы на ней и пахать, и сеять и косить можно было, чтобы она и молотила, и огороды поливала, и грузы возила и дороги строила.

Рабочие мастера ответили:

— Такую машину, товарищ Ленин, мы сделаем. Три дня сроку нам дайте.

Дали три дня сроку. Три дня прошло. Ленин, Сталин и Калинин опять вместе собрались и мастеров позвали.

Кузнецы, машинисты, механики пришли.

— Машину сделали? — их спрашивают.

— Сделали. Пойдемте, посмотрите.

На поле все вышли. Тут и машина на четырех колесах стоит. Один мастер сел и показал, как машина грузы возит и дороги строить умеет.

Ленин, Сталин и Калинин тогда мастерам „спасибо“ сказали, а машину на большой завод послали и много таких машин сделать приказали.

Завод сто сотен тысяч таких машин сделал и в колхозы послал.

Когда первая такая машина в село пришла, колхозники не знали, как ее называть. Но она сама сказала. С места двинулась и зарычала:

— Трак — трак — тррр... трак — трак — тррр...

С той поры эту хорошую машину и зовут — „трактор“.

Трактор у нас в колхозе очень много работы делает. Сильно лошадям помогает. Он и пашет, и сеет, и косит, и молотит, и грузы возит, и дороги строит, и воду на огороды качает.

Трактор хорошая, очень полезная для хозяйства машина. Большая помощь колхозу от трактора. И наши колхозные парни быстро на тракторе работать научились. Простая, сильная и хорошая машина.

Большое спасибо Ленину, Сталину, Калинину и тем рабочим, которые сделали эту колхозную машину.

53-летний старик ГЕНРИХ ГЕНРИХОВИЧ ГОФМАН.

Мариянтальский кантон, колхоз „Культура“.

О ТРЕХ СЫНОВЬЯХ

Когда это было, — я точно не знаю. Но не очень давно было.

На краю села старый дом стоял и в нем бедные люди жили. Они трех сыновей имели. Старший — Якоб, средний — Фриц и младший — Ганс.

Очень бедно они жили, часто голодали. Когда сыновья немного подросли, отец их на дорогу повел. До перекрестка дошел и говорит:

— Отсюда четыре дороги идут. Одна назад, в село — по ней я пойду, а по другим трем — вы идите, куда кто хочет.

Якоб налево, Фриц прямо, а Ганс направо пошел.

Долго Якоб шел. Солнце три раза над землей загоралось. На четвертый день он к большому дому подошел. Окна большие, двери широкие, людей много внутри, разговаривают. Дом в зеленую краску выкрашен.

Якоб постучал. За дверь спросили:

— Ты кто? Откуда?

— Я — бедняцкий сын, из деревни.

Дверь открылась. Якоб вошел и много таких же парней, как сам, увидел. Все за столами сидят, книги читают, пишут и рассказывают.

— Это школа? — он спросил.

— Да, — ему ответили.

— Читать-писать для меня мало. Мне ремесло знать.

— У нас — не простая, а высшая школа — специальность будешь иметь. Хочешь, — учись.

Якоб подумал и остался учиться.

Долго Фриц шел. Три раза по небу ночь расплывалась. На четвертый день он к большому дому подошел. Окна большие, двери широкие, людей много внутри, разговаривают. Дом в синюю краску выкрашен.

Фриц постучал. За дверью спросили:

— Ты кто? Откуда?

Я — бедняцкий сын, из деревни.

Дверь открылась. Фриц вошел и много таких же парней, как сам, увидел. Все за столами сидят, книги читают, пишут и рассказывают.

— Это школа? — он спросил.

— Да, — ему ответили.

— Читать-писать для меня мало. Мне нужно ремесло знать.

— У нас — не простая, а высшая школа — специальность будешь иметь. Хочешь, — учись.

— Фриц подумал, подумал и остался учиться.

— Долго Ганс шел. Три раза солнце по небу перекачалось, три раза ночь землю покрывала. На четвертый день он к большому дому подошел. Окна большие, двери

широкие, людей много внутри, разговаривают. Дом в красную краску выкрашен.

— Ганс постучал. За дверью спросили:

— Ты кто? Откуда?

— Я — бедняцкий сын, из деревни.

Дверь открылась. Ганс вошел и много таких парней, как сам, увидел. Все за столами сидят, книги читают, пишут и рассказывают.

— Это школа? — он спросил.

— Да, — ему ответили.

— Читать-писать для меня мало. Мне нужно ремесло знать.

У нас — не простая, а высшая школа — специальность будешь иметь. Хочешь, — учись.

Ганс подумал и остался учиться.

В селе один отец и мать остались. Три года прошло.

Отец и мать работают. В колхоз вступили. О детях соскучились.

— Где сейчас наши Якоб, Фриц и Ганс? — однажды мать спросила.

— У людей, где-нибудь живут, — ответил отец. — Если бы они домой вернулись, было бы очень хорошо.

— А ты за ними сходи.

Отец в дорогу собрался. Сумку на плечи, палку в руки, и пошел.

До перекрестка дошел, налево завернул. Долго он шел. До зеленого дома дошел; постучал и спросил:

— Мой сын Якоб к вам не заходил?

— Он здесь.

Дверь открылась; отец вошел. Он видит учатся все, и Якоб тут.

Якоб отца увидел, подошел, поздоровался.

— Якоб, пойдем домой. Мы теперь в колхозе, жить куда легче.

— Нет, мой отец, сейчас я с тобой не пойду. Вот учиться кончу — сам домой приду.

Тогда отец на перекресток вернулся. И по дороге прямо пошел.

Долго он шел. До синего дома дошел; постучался и спросил:

— Мой сын Фриц к вам не заходил?

— Он здесь.

Дверь открылась; отец вошел.

Он видит: учатся все, и Фриц тут.

Фриц отца увидел, подошел, поздоровался.

— Фриц, пойдем домой. Мы теперь в колхозе, жить куда легче.

— Нет, мой отец, сейчас я с тобой не пойду. Учиться кончу, тогда сам домой приду.

Отец снова на перекресток вернулся. И по дороге направо пошел. Долго он шел, до красного дома дошел, постучал и спросил:

— Мой сын Ганс к вам не заходил?

— Он здесь.

Дверь открылась; отец вошел. Он видит: учатся все, и Ганс тут.

— Ганс отца увидел, подошел, поздоровался.

— Ганс, пойдем домой. Мы теперь в колхозе, жить куда легче.

— Нет, мой отец, сейчас я с тобой не пойду. Учиться кончу, тогда сам домой приду.

Отец домой вернулся. Все матери рассказал.

Еще один год прошел.

И вот на перекрестке сошлись три брата. Обрадовались, обнялись, песню запели и домой пошли.

А дома, в садике, отец и мать сидят (выходной день был). Вдруг песню слышат. Потом калитка закрипела.

— Кто это? — хотел отец спросить.

— Мои дети, — узнала мать, и сыновей обнимать бросилась.

Сыновья умылись, в чистое переоделись. Время обедать пришло. На столе много всякой еды поставили. Отец и мать в колхозе хорошо работали, много трудодней имели.

Пообедали. Отец спрашивает:

— Чему же вы научились?

— Я в зеленом доме учился, — Якоб отвечает, — агрономом стал.

Теперь совсем в колхоз вернулся, буду тут работать. За севооборотом, за пахотой, за севом смотреть.

— Я в синем доме учился, — Фриц ответил, — учителем стал. Теперь в колхозе в школе детей читать, писать, считать и рассказывать учить буду.

— Я в красном доме учился, — Ганс ответил, — трактористом-механиком стал. Теперь в вашей МТС за тракторами буду смотреть.

— Обрадовались отец и мать, что сыновья совсем домой вернулись.

И в колхозе обрадовались, что свои агроном, учитель и механик появились. Все радовались.

Старик-колхозник АДАМ ФРИАУФ.
Село Лизандергей Зельманского кантона.

ГЕРОЙ ГОТЛИБ

Готлиб всю жизнь героем стать хотел. Он часто всем рассказывал:

— Вот я в большой, густой лес, где много волков, пойду. Большое стадо в тысячу коров через лес гнать буду. И сто волков на меня нападут. Я палкой их поубиваю и все стадо целое пригоню. Тогда все меня героем называть будут.

Вот я на пароходе поеду. На пароходе много тысяч людей будет. Они тонуть будут, а я людей спасать начну. Всех один на берег вытащу. Мне награду дадут, и, что я герой, все знать будут.

Вот я с богачом золото повезу. По дороге на нас двадцать разбойников нападут. Я их убью, и богач мне золота даст, и все узнают, что я герой.

Вот два царя воевать будут. Я пойду, пушку возьму, много врагов поубиваю, остальных в плен возьму. И тогда

царь мне полцарства даст, и во всем государстве мое имя напишут. „Ура“ мне, герою, кричать будут.

Вот за морем дракон есть. Он много людей уничтожил и царевну украл. Я пойду, этого дракона убью, царевну от него спасу. Вот тогда весь мир узнает, какой я герой.

Все его слушали, но никто ему не верил. И привыкли все, что Готлиб небылицы рассказывает.

Выдумки свои рассказывая, Готлиб однажды в чужой избе засиделся. Поздно ночью домой шел. Вдруг он пожар видит. Конюшня колхозная горит.

Готлиб в огонь бросился. Глаза лошадям завязал. На двор их вывел. От огня подальше к забору крепко привязал. Тревогу поднял.

Пока люди сбегались он сбрую спасать в огонь бросился.

Пожар потушили.

Готлиб в своем селе всем своими рассказами надоел. Его никто слушать не хотел. Тогда он пошел в соседнее село. Здесь он людей собрал и рассказывать начал:

— Вот я с богачом золото повезу. По дороге на нас двадцать разбойников нападут. Я их убью...

Ему досказать не дали, перебили и просят:

— Лучше расскажи, как у вас в селе пожар был и про героя Готлиба, что лошадей колхозных из огня спас.

Они не знали, что это сам Готлиб перед ними сидел.

Обрадовался Готлиб, что люди его героем считают. Но смешно ему стало, что из-за такого пустяка его героем называют.

Улыбнулся Готлиб и говорит:

— Ну, пожар был. Ну, мимо Готлиб шел. Ну, лошадей он из огня вывел. Ну, вот и все. Так каждый колхозник сделал бы. Про пожар это неинтересно слушать. Вот слушайте. Два царя воевать будут. Я пойду, пушку возьму...

Про пожар все внимательно слушали. А как про царей Готлиб начал рассказывать, — все разошлись.

Готлиб обиделся и домой пошел.

По улице своего села идет и видит: у сельсовета новая, красная доска висит. Подошел и прочел: „На красную доску наш колхозный герой Готлиб заносится: спас от гибели общественную социалистическую собственность — лошадей“.

Дети Готлиба увидели и закричали:

— Ура, герою Готлибу! Ура, герою!

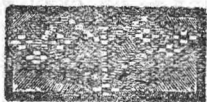
К детям взрослые присоединились: все „ура“ кричат, Готлиба поздравляют, за руки тянут. Потом высоко-высоко качать стали.

Так Готлиб настоящим героем сделался и перестал свои небылицы рассказывать.

Все колхозы на тысячу километров вокруг про героя Готлиба узнали.

Старик-колхозник ИОГАНН АВГУСТОВИЧ САЛЬВАССЕР.

Село Шталь, Зельманского кантона.

СКАЗКА О СКАЗОЧНИКЕ

Долго жил сказочник. Все его знали и слушать любили. Назывался он Люстиг Люгнер (Веселый врун). Он любил сказки рассказывать. Очень хорошие сказки знал. Много сказок помнил. Семьдесят семь лет на свете жил, и ни разу одну и ту же сказку два раза не рассказывал.

Однажды все колхозники собрались. Люстиг Люгнер сказку рассказывает. Все внимательно слушают. Вдруг телефон зазвонил. Председатель колхоза подходит и спрашивает:

— Кто говорит? Что надо?

Телефон отвечает:

— Политотдел говорит. Старика Люстиг надо.

— Люстиг не может — он сказку рассказывает.

— Телефон говорит:

— Очень скоро нужно, к телефону его позовите.

Люстиг подошел, трубку взял и спрашивает:

— Что нужно? Я слушаю.

Телефон ему отвечает:

— Скорее в политотдел приезжай. Мы новую сказку поймали, тебе отдать хотим.

Люстигу лошадь быстро запрягли. Он сел и поехал.

Через три часа Люстиг в политотдел входит. Поздоровался и сказку рассказать просит.

Работники политотдела ему говорят:

— А вот слушай. Близко ли, далеко ли поле ровное было, никто его не пахал, ничего на нем не сеял.

Большевики-рабочие пришли, на поле посмотрели. Еще рабочих позвали.

Один день прошел, второй день прошел, третий день прошел. Поле пропало. Земля на месте стоит, а поля не видно. Семена такие большевики посеяли, что через три дня завод вырос. Очень большой завод появился. На том заводе ударники работают, машины делают.

Другое поле было. На нем четверо бедняков в плуг запряжены. Кулак их кнутом бьет, они землю пашут. Слезы, пот и кровь с бедняков капаят — землю поливают. Хлеб вырос. Кулак весь хлеб себе забрал, а бедняков запрег навоз на поле возить.

Большевики-рабочие пришли. На кулака посмотрели. Еще бедняков и батраков позвали. Кулака ликвидировали.

Один день прошел, второй день прошел, третий день прошел. Земля на месте стоит, а поля не узнать. Колхоз такой большевики организовали, что через три дня слезы, пот и кровь литься перестали. В колхозе все дружно работают, хлеб сеют, большой урожай собирают.

Третье поле было. На нем церковь стояла. Поп молитвы говорит. Все бедные к нему за советом, за помощью

идут. Они все неграмотные, а поп хитрый. Деньги у всех берет, богом обманывает.

Большевики-рабочие пришли. На жульничество посмотрели. Еще рабочих и колхозников позвали. Попа прогнали.

Один день прошел, второй день прошел, третий день прошел. Церковь на месте стоит, а ее не узнать. Клуб такой большевики построили, что через три дня все неграмотность ликвидировали, книжки верные (правильные) читать научились. В том клубе и мужчины, и женщины и дети — все трудящиеся дружно учатся, умными делаются. Люстиг головой покачал и сказал:

— Этого быть не может.

Тогда работники политотдела ему говорят.

— А вот смотри!

— Одно окно открыли и Люстиг увидел поле ровное. Никто его не пашет, ничего на нем не сеют. Большевики-рабочие пришли. На поле посмотрели. Еще рабочих позвали. Один день прошел, второй день прошел, третий день прошел. Поле пропало. Земля на месте стоит, а поля не видно. Большевики очень большой завод построили. На том заводе ударники работают, машины делают.

— Теперь сюда посмотри!

Второе окно отворили. Люстиг увидел — поле. На нем четверо бедняков в плуг запряжены. Кулак их кнутом бьет, они землю пахут. Слезы, пот и кровь с бедняков каплют — землю поливают. Хлеб вырос. Кулак весь хлеб себе забрал, а бедняков запрет навоз возить.

Большевики-рабочие пришли. На кулака посмотрели. Еще бедняков и батраков позвали. Кулака ликвидировали.

Один день прошел, второй день прошел, третий день прошел. Земля на месте стоит, а поля не узнать. Колхоз такой большевики организовали, что через три дня слезы, пот и кровь литься перестали. В колхозе все дружно работают, хлеб сеют, большой урожаем собирают.

— Вот еще смотри!

Третье окно открыли, Люстиг смотрит: церковь стоит. Поп молитвы говорит. Многие бедные к нему за советом, за помощью идут. Они все неграмотные, а поп хитрый. Деньги у всех берет, богом обманывает.

Большевики-рабочие пришли. На попа посмотрели. Еще рабочих и колхозников позвали. Попа прогнали.

Один день прошел, второй день прошел, третий день прошел. Церковь на месте стоит, а ее не узнать. Клуб такой большевики построили, что через несколько времени все неграмотность ликвидировали, книги правильные, хорошие читают. В том клубе и мужчины, и женщины, и дети — все трудящиеся дружно учатся, умными делаются.

— Теперь я вам поверил, — Люстиг сказал. Попрощался и домой уехал.

В колхоз Люстиг вернулся; все просят:

— Люстиг, новую сказку расскажи!

— Люстиг, новую сказку расскажи!

На стул Люстиг сел. Трубку закурил. Покашлял.

— Хорошо! Слушайте. Близко ли, далеко ли, поле ровное было. Никто его не пахал, ничего на нем не сеяли.

Большевики-рабочие пришли. На поле посмотрели. Еще рабочих позвали.

Один день прошел, второй день прошел, третий день прошел. Поле пропало. Земля на месте стоит, а поля не

видно. Большевики очень большой завод построили. На том заводе ударники работают, машины делают.

Другое поле было. На нем четверо бедняков в плуг запряжены. Кулак их кнутами бьет, они землю пашут. Слезы, пот и кровь с бедняков капаят — землю поливают. Хлеб вырос. Кулак весь хлеб себе забрал, а бедняков запрег навоз возить.

Большевики-рабочие пришли. На кулака посмотрели. Еще бедняков и батраков позвали. Кулака ликвидировали.

Один день прошел, второй день прошел, третий день прошел. Земля на месте стоит, а поля не узнать. Колхоз такой большевики организовали, что через три дня слезы, пот и кровь литься перестали. В колхозе все дружно работают, хлеб сеют, большой урожаем собирают.

И третье поле было. На нем церковь стояла. Поп молитвы говорит. Все бедные к нему за советом, за помощью идут. Они все неграмотные, а поп хитрый. Деньги у всех берет, богом обманывает.

Большевики-рабочие пришли. На попа посмотрели. Еще рабочих и колхозников позвали. Попа прогнали.

Один день прошел, второй день прошел, третий день прошел.

Вдруг все, кто слушал, заговорили:

— Знаем, знаем! В церкви клуб открыли. Мы все это хорошо знаем!

Это не сказка, а быль. Мы сами эту сказку делаем.

Люстиг грустный сделался, что его слушать не хотят. Загрустил и умер.

Вся сказка.

Колхозник ФРИДРИХ ШНЕЙДЕР.
Краснокутский кантон, село Эренфельд,

ОГЛАВЛЕНИЕ

Как создавалась эта книга	3
Зеркальце	9
Глупый Ганс и голубой Гусь	16
Как солнцу стыдно стало	28
Шелюски-Шмидт	32
Волк в красной шапочке	38
Старик и смерть	46
Последний чорт	49
Колхозная машина	52
О трех сыновьях	54
Герой Готлиб	59
Сказка о сказочнике	62

---

1 p. 50 к.

Ц 9740

35-9

1293